

Юрий КУЛИКОВ (1924 – 2000)

Профессиональный художник-график и живописец. Родился в 1924 году в Ульяновске.

Фронтовик. Прошёл всю войну от Курской дуги до Берлина. Демобилизовался в 1949 году. После Великой Отечественной войны окончил Уральское художественное училище, вернулся в Ульяновск. Член Союза художников СССР. Стихи публиковались с 70-х годов в альманахах и сборниках. В 2020 году увидела свет книга Юрия Куликова «Из лирики разных лет».

* * *

Я полз по фронту
Вниз лицом,
Срывая кожу с рук.
Казалось мне: в пластунстве том –
Премудрость всех наук.

Я не жалел локтей своих
В усердье неумелом,
И страх как будто бы притих,
К земле прижатый телом.
Я выдохся и весь промок,
Но слышу от солдата,
Войну выдавшего: «Сынок,
Не надрывайся так-то...

Напрасно сил не бережешь.
По лужам и по глине
На животе не доползешь
До города Берлина.

В атаку легче в рост идти,
Война теперь такая,
А если упадешь в пути –
Россия дошагает».

* * *

Мундир прожжен и в клочья порван.
И обреченность глаз пустых.
Вцепились в ткань пилотки черной
Паучьей свастики хвосты.

Обрыв кювета, грязь и глина
Загородили путь вперед,
И залп армейских карабинов
Списал эсэсовца в расход.

Мы знали: так в кино бывает,
А там война всегда пустяк,
Там режиссеры «убивают»
Мы знали как. Но чтобы так...

А мир, как был, остался миром.
Дымок от выстрела исчез.
Два запыленных конвоира
Неспешно повернули в лес.

Спираль Бруно

К тебе идут, спроси – ответят,
Сумей волнение пережить.
И развяжи шнурок в кисете,
Дай человеку закурить.
Он, размочив бумажку с края,
Свернул и скупой обронил:
«Воюют здесь, а не играют.
Здесь или мы, или они...»

Всех богов перебрал комбат,
Поднимая в атаку роту,
А над полем солдатский мат
Хрипло рвался в цепи пехоты.
Но пройдя через весь накал,
Отдышавшийся понемногу,
Уцелевший, комбат сказал:
– Все, ребята! Живем! Слава Богу...

* * *

Когда кукушка на рассвете
Дарила долголетье нам,
Не говори, что ты примете
Не верил и не слушал – там,
Где, замирая перед битвой,
Пехота ждет сигнал ракет,
Все было – и слова молитвы,
И вера в чудеса примет.

В РАЗВЕДКЕ

Не надо бессмертья!
Вернуться и жить –
Единственное желание.
Патроны в обоймах,
В чехлах ножи.
И позади ожидание.

Темная ночь. Гнилая вода.
На животе – через дали.
На сохраненье бы душу отдать
Писарю вместе с медалями.

Через разведанное окно
Вышли живыми на берег,
Лишь потеряв на спирали Бруно
Вату из телогреек...

ПЕРЕДОВАЯ

Отгремела передовая.
Все потери в земле зарыв,
На ходу в строю засыпая,
Батальоны вошли в прорыв.
За спиной во мраке тонет
Обороны зигзаг крутой.
Ветер жесткий поземку гонит
По окопам передовой,
По нейтральной земле изрытой,
Где, оглохшие от пальбы,
Промерзают, насквозь пробиты,
Обгорелых «пантер» гробы.
И дрожит сквозь метельный полог
В ледяном провале ночи
Одиноким звезды осколок
Поминальным огнем свечи.

* * *

В шубейке обгорелой и короткой,
Не пропуская никого, подряд,
Старуха раздавала по щепотке
Оставшийся от деда самосад.

Как будто пепел от беды и горя
Нам сыпала в ладони, на траву,
Все, что осталось от ее подворья,
От старика, лежащего во рву.

И, прикурив от тлеющего сруба,
Пехотный взвод в молчании своем
Смолил сигарки, обжигая губы,
Угрюмо ждал команды на подъем.

* * *

Как много на душе осталось,
Бессонницей ночей грозя,
От той войны, и я устало
Несу, а позабыть нельзя.

Перемешались дни и страны,
Орел в дыму, Берлин в огне.
Одно лишь только постоянно
Царапает по сердцу мне,

Неотвратимостью удара,
Напоминая, бьет в висок –
Июльская жара плацдарма
И окровавленный песок.

Как в мираже мелькали лица,
И я увидел на бегу
Застреленного пехотинца
На раскаленном берегу.

Какой-то памятной кассетой
В меня, как пуля, без труда
Мгновенное виденье это
Вошло на долгие года.

Мне видится соленый иней
Его спины, а на ноге
Светил овальный алюминий
Ненужной ложки в сапоге.

Тогда не знал, что ненароком
Я увидал со стороны
То, что увидится немногим
Вот так, в упор – лицо войны.

* * *

Среди воронок на бугре,
В тумане зыбкого рассвета
Расцвел подсолнух на заре,
Как вспышка боевой ракеты.

Глядел с надеждой на восток,
Качаясь на стебле несмело,
Отмеченный косым крестом
Артиллерийского прицела.

Он выдержал и встретил нас
Своим пылающим соцветьем,
Когда уже в последний раз
Мы поднимались на рассвете.

Насквозь простреленный войной
Еще держался стебель тонкий,
И засыпало дно воронки,
Как слезы черные – зерно.

* * *

Мне каждый вечер в запертые двери
Из тех времен несутся голоса.
Меня зовут на тот далекий берег
Сырые белорусские леса.

Там росчерком, тревожным и багровым,
Встает ракеты дымная звезда.
Там переправу каждый вечер снова
Наводят, как в минувшие года.

Понтон колышется, теряя силы,
Уходит вниз под тяжестью брони,
И стелет танк по мокрому настилу
Голубоватых выхлопов огни.

И снова в воду прыгают саперы,
Христом и богом надрывая грудь,
Чтобы пробоин рваные зазоры
Хоть на минуту ватником заткнуть.

Чтоб прошлое не разминулось с нами
На ледяных космических ветрах,
Солдаты безымянными плечами
Удерживают бревна переправ.

* * *

За вереницею ушедших лет
Забыто многое – и голоса, и лица,
И коммутаторов армейских нет,
И в прошлое не дозвониться.

Фронтовиков опустошил строй,
И в штабелях, покорно и устало,
Со спущенной пружиной боевой
Оружие молчит по арсеналам.

Мы тяжелы сегодня на подъем,
Собраться вместе за столом непросто,
Но каждый год на празднике своем
Объединяемся единым тостом.

За то начало долгой тишины,
За ту неповторимую минуту,
Когда в окопах черный мрак войны
Сгорел в огне победного салюта.

